

Вячеслав Левицкий*

 <https://orcid.org/0000-0001-6370-9488>

«Летучий голландец» белорусской поэзии: сборник *Нэа-літ* как литературный феномен

Резюме

Цель предлагаемой работы – проанализировать статус сборника *Неалит* (1993–1994) в белорусском литературном процессе 1990-х гг. Материал исследования составляет макет этой книги из личного архива поэта Виктора Жибуля. Ранее соответствующий документ не был обнародован и введен в научный оборот.

Особенности *Нэа-літа* освещаются в обще концептуальном, текстологическом и жанрово-стилистическом аспектах.

Среди прочего, мини-антология продемонстрировала кристаллизацию новой литературы. Кроме того, в сборник вошли варианты стихотворений Сержа Минскевича, Ильи Сина, Алеся Туровича, отличные от более поздних публикаций. В итоге *Нэа-літ* стал площадкой для поиска актуального художественного языка. В рамках макета издания наметились радикальные транслогические эксперименты, сформировался нестандартный жанр

* Кандидат филологических наук, независимый исследователь, Киев, Украина; kyivtext@meta.ua

Автор выражает благодарность за консультации, проведённые в ходе подготовки статьи, Ольгерду Бахаревичу, Дмитрию Вишнёву, Сержу Минскевичу, Илье Сину, а также Виктору Жибулю, который любезно предоставил для работы анализируемый сборник.

«панфиль», проявилось преобладание образов городского пространства с подчеркнутыми мотивами телесности.

Ключевые слова: текст, образ, вариант, публикация, эксперимент

«Летучий голландец» белорусской поэзии: феномен сборника *Нэа-літ*

Памяти Сержа Минскевича

Творческое движение «Бум-Бам-Літ» («Бум-Бам-Лит»), возникшее в 1995 году, к настоящему времени стало визитной карточкой белорусского постмодернизма. Как констатировал идейный вдохновитель молодых писателей – философ Валентин Акудович, участники упомянутого круга пришли в «серо-унылый» дискурс словесности феерически. Имели место нестандартные приёмы на выступлениях, диковинные для публики слова, необычные движения и общий эффект очаровательного «шабаша». Эти события подтверждали: сама белорусская литература была готова к зарождению некоего кардинально нового феномена¹.

Примечательно, что ещё в 90-х годах Пётр Кемпинский трактовал объединение минских экспериментаторов как символ всего нового, нестандартного, революционного в ней². Позднее Катажина Бортновская неслучайно вела речь о целом «поколении Бум-Бам-Лита», устремившемся к решительному изменению порядков в культурной среде³. В целом такие участники яркого движения, как Ольгерд Бахаревич, Дмитрий Вишнёв, Виктор Жибуль, Серж Минскевич, Вальжина Морт, Илья Син, приобрели узнаваемость в мире прежде всего как реформаторы художественных доминант в искусстве Беларуси.

При этом явления, предшествовавшие созданию «Бум-Бам-Лита», до сих пор не приобрели значительного внимания со стороны исследователей. В частности, едва ли не наиболее таинственным остаётся сборник новой белорусской поэзии *Нэа-літ* (*Нео-лит*). Его редколлегия сформировалась на рубеже 1993–1994 годов, объединив ряд молодых авторов-экспериментаторов. Книгу не удалось опубликовать, однако сохранился макет мини-антологии. Минскевич даже сравнил невоплощённый проект с «летучим

¹ В. Акудовіч, *Бум-Бам-Літ. З новай кнігі «Трэба ўявіць Сізіфа шчаслівым. Хронікі беларускага інтэлектуала»*, «Дзеяслоў» 2019, № 1, с. 183, 191.

² Там же, с. 188.

³ K. Bortnowska, *Białoruski postmodernizm. Liryka «pokolenia Bum-Bam-Litu»*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2009, с. 53.

голландцем», который на протяжении определённого времени «путешествовал» по редакционным компьютерам. Более того, ввиду такой истории сборника упомянутый писатель и филолог предположил: *Нэа-літ* мог бы считаться первым образцом белорусской электронной литературы⁴.

Цель данной статьи – проанализировать статус сборника *Нэа-літ* в белорусском литературном процессе 1990-х годов. Материал исследования составляет макет указанной книги, хранящийся в личном архиве поэта и филолога Виктора Жибуля. Ранее соответствующий документ не был обнародован и введен в научный оборот.

Следует предположить, что особенности *Нэа-літа* наиболее примечательно прослеживаются в общеконцептуальном, текстологическом и жанрово-стилистическом аспектах.

Орнамент революции

Работу над мини-антологией предварял ряд неординарных событий.

Одно из них состоялось 1 апреля 1993 года в столице Беларуси. Группа начинающих авторов – студентов минских высших учебных заведений изощрённым способом организовала свой творческий вечер в Доме литератора. Будучи лишёнными возможности выступить там, они сумели при поддержке частных предпринимателей арендовать кафе в этом уважаемом учреждении. В итоге на знаковой локации прошло колоритное комичное шоу, приуроченное ко Дню смеха.

Благодаря удачному опыту импрезы в среде её участников зародилось авангардно настроенное объединение «Табала S-тэт» («Толпа S-тэт»). Этот круг задался целью опубликовать сборник белорусской андеграундной поэзии начала 1990-х. В редколлегию антологии вошли Ольгерд Бахаревич, Всеволод Горячко, Серж Минскевич, Сергей Патаранский, Илья Син, Алесь Турович. К упомянутым столичным писателям также примкнул представитель творческого союза молодых художников и литераторов «Пяты кут» («Пятый угол») из города Слуцка Дмитрий Вишнёв⁵.

Редколлегия не ограничивала свою деятельность кабинетной работой с текстами, а проводила публичные мероприятия фактически для расширения круга авторов. В частности, Бахаревич в автобиографическом романе *Мои девяностые* воспроизвёл содержание афиши одного из вечеров,

⁴ С. Мінскевіч, *Ого – год!*, [в:] С. Мінскевіч, *Я з Бум-Бам-Літа!*, Логвінаў, Мінск 2008, с. 138.

⁵ В. Левицький, *Різнобарвні плоти на горизонті*, [в:] *Бум-Бам-Літ: антологія білоруської поетичної революції = анталёгія беларускае паэтычнае рэвалюцыі*, упоряд. В. Левицький, Люта справа, Київ 2021, с. 405.

который «неолитовцы» организовали зимой 1994 года в Белорусском гуманитарном образовательно-культурном центре. Акция *Шаг за (Крок на-за)* предусматривала выступления как членов координационной группы по подготовке антологии (в первом отделении), так и всех желающих. То есть сборник был открытым для поэтов, разделявших ценности составителей (главная часть импрезы анонсировалась как «вечер современной авангардной поэзии»). Интересно также, что афиша даёт основания для причисления Левона Вольского и Ланы Медич к редакторам *Нэа-літа*. Эти поэты выступили в начальном отделении наряду с Минскевичем, Сином, Бахаревичем и Туровичем.

С другой стороны, определение инициаторов чтений в образовательно-культурном центре («редколлегия сборника»)⁶ скорее обозначало среду писателей-единомышленников, чем акцентировало книгу, над которой они трудились. Бахаревич резюмировал: «[...] Все были свои, всех объединял язык»⁷. Таким образом, молодые экспериментаторы избрали самохарактеристику «редколлегия», наделённую большими творческими смыслами, нежели стандартные, отчасти бюрократизированные термины «союз», «общество» и т. д. Аналогичная открытость и неформальность в будущем была свойственна движению «Бум-Бам-Літ». Согласно одной из концепций ни войти, ни выйти из него нельзя, поскольку «Бум-Бам-Літ» не является чем-либо статичным⁸.

Как объяснял Минскевич в комментариях для антологии-билингвы *Бум-Бам-Літ* (2021), название *Нэа-літ*, избранное инициаторами книги, было символичным. Импульсы в молодёжной творческой среде соотносились с неолитической революцией. Подобно переходу наскальной живописи в пиктограммы, то есть разновидность письма, небольшая антология должна была показать кристаллизацию качественно новой литературы⁹.

Собственно, подзаглавие сборника было достаточно широким по содержанию: «Новая белорусская поэзия»¹⁰. Экспериментальность и неофициальность творчества не подчёркивались, но проявления традиции достаточно чётко отвергались.

Мини-антология состоит из обложки и 38 листов с поэтическими текстами. Интересным оказывается круг авторов *Нэа-літа*. На обложке макета, находящегося в распоряжении Жибуля, указано девять имён: Игорь Сидорук,

⁶ А. Бахарэвіч, *Мае дзевяностыя*, А.М. Янушкевіч, Мінск 2018, с. 168–169.

⁷ Там же, с. 169.

⁸ В. Жибуль, *Щоденник бум-бам-літвіця*, пер. з білорус. В. Левицкий, [в:] *Бум-Бам-Літ: анталогія білорускай поэтычнай рэвалюцыі = анталёгія беларускае паэтычнае рэвалюцыі*, упоряд. В. Левицкий, Люта справа, Київ 2021, с. 391, 393.

⁹ *Zob.*: В. Левицкий, *Різнобарвні плоти на горизонті...*, с. 405.

¹⁰ *Нэа-літ: новая беларуская паэзія*, без месца выдачы, [Мінск 1994], лист 1.

Алесь Турович, Серж (Сержук) Минскевич, Ария Ульрика Гатальская, Левон Вольский, Ваня Ра (псевдоним Валерия Булгакова), Илья Син, Сергей (Сержук) Патаранский. В свою очередь, в самом макете подборка произведений Патаранского отсутствует, однако содержатся стихотворения Вишнёва и Евгения Усошина, не заявленных на обложке.

По мнению Жибуля, приведённому в электронном письме от 6 февраля 2020 года автору статьи, причиной этого может быть наличие нескольких редакций макета. Из одной из них поэзия Патаранского была изъята для публикации в другом издании (вероятно, приложении «ЗНО» к газете «Культура»).

В настоящее время указанные редакции неизданной книги точно не установлены.

Примечательно, что авторы *Нэа-літа* не были исключительно членами литобъединений «Табала S-тэт» и «Пяты кут», инициировавших подготовку антологии. Например, Сидорук принадлежал к ещё одной знаковой неконформистской формации – Обществу вольных литераторов. С учётом географии организаций, стоявших у истоков сборника, соотношение между количеством минских и случких участников публикации также не отличалось пропорциональностью. По сути единственным полноценным представителем «Пятага кута» оказался Вишнёв. В этой группе из Слуцка числился и Минскевич, впрочем его имидж поэта-урбаниста неразрывно связан именно со столицей Беларуси. Таким образом, минские писатели доминировали. Соответствующая тенденция характерна и для «Бум-Бам-Літа» – движения, которое локализовалось в Минске, сосредотачивалось на утверждении минской городской культуры и, в отличие от ряда других белорусских литературных союзов, не выстраивало систему региональных филиалов.

Следует отметить, что не все участники *Нэа-літа* в дальнейшем продолжали творить андеграундную поэзию. Действительно, Валерий Булгаков стал более известен как философ, журналист, главный редактор независимого научного, общественно-политического и литературно-художественного журнала «Arche», а псевдоним Ваня Ра сегодня слабо идентифицируется даже среди современных белорусских гуманитариев. В то же время Усошин, не отказавшись вполне от литературного творчества, избрал путь греко-католического священника.

При этом «бум-бам-литовцы» осознавали определённую ответственность если не за судьбу неизданной книги, то по крайней мере за опыт, приобретённый в ходе её формирования. Вишнёв писал о планах движения издать *Нэа-літ* наряду со сборником прозы *Рэчы-96* как о цели движения. Однако поэт самоиронично признавал: уже по состоянию на вторую половину 1990-х

годов по страницам таких запланированных изданий «бегают бегемоты, крокодилы, зебры, жирафы и тараканы»¹¹.

Отдельного комментария стоит оформление сборника, довольно неоднородное по технике и стилистике. Минималистичную обложку изготовил Син. В работе над иллюстрациями были задействованы Анна Ковшар, а также двое поэтов – авторов мини-антологии: Гатальская и Вольский. В частности, второй из них создавал изображения на полях макета. Речь идёт о подобиях размывов, запыленности, воспроизведении архаических узоров, отпечатков пальцев и других проявлениях старины. Очевидно, некий эффект ретро должен был контрастировать с авангардистскими идеалами писателей, тем самым усиливая внимание к литературному тексту. Вольский фактически создавал изысканный орнамент эстетической революции, заявленной молодыми авторами.

Такие умонастроения относительно традиции были свойственны ряду симпатиков прогресса в белорусской культуре середины 1990-х годов. К примеру, только в одном февральском номере приложения «ЗНО» к газете «Культура» за 1995 год напечатано несколько статей о реинтерпретации устоявшихся практик. Надежда Короткина рассуждала о современном национальном дизайне, подчёркивая: эстетический опыт предков необходим, но лишь при обязательном условии его переосмысления¹². В свою очередь, Владимир Орлов побуждал рассматривать граффити как инструмент игровой трактовки прошлого¹³.

В результате обозначалась концепция *Нэ-літа* как вполне демократичного издания, тяготеющего не только к экспериментальному духу в поэзии, но и к ярко выраженному урбанизму, а также нетривиальным толкованиям архаики.

Данные характеристики следует учитывать при рассмотрении движения текста представленных произведений.

В поисках возвышенной Остановки

Можно предполагать, что *Нэ-літ* должен был не столько свидетельствовать об итогах в расширении диапазона белорусской поэзии, сколько презентовать творчество молодых писателей. В связи с этим в сборник включались

¹¹ З. Вішнёў, *Занатоўкі літаратурнага алкаголіка*, [в:] З. Вішнёў, *Верыфікацыя нараджэння*, Логвінаў, Мінск 2005, с. 9.

¹² Н. Кароткіна, *Чалавек і матэрыяльнае асяроддзе: спроба асэнсавання эстэтычнага вопыту*, «ЗНО» 1995, № 8: 22 лютага, с. 8.

¹³ У. Арлоў, *Графіці, Чалавек і матэрыяльнае асяроддзе: спроба асэнсавання эстэтычнага вопыту*, «ЗНО» 1995, № 8: 22 лютага, с. 7.

произведения, достаточно новые на время подготовки макета. В дальнейшем они заметно дорабатывались в более поздних публикациях.

Действительно, мини-антология стала источником текста ряда стихотворений, которые приобрели известность в несколько отличных вариантах (сочинения Минскевича, Сина и других).

Помимо исключительно орфографических деталей (непоследовательность в соблюдении официального, так называемой «наркомовки», либо классического белорусского правописания в макете) особенно интересны преобразования в произведениях первого из упомянутых авторов. После запланированного, но не осуществлённого выхода *Нэа-літа* появилась дебютная поэтическая книга Минскевича *Через ГалеРэю (Праз ГалеРэю, 1994; фактически – 1995)*. К моменту её публикации (корпус стихотворений сдан в набор 14 ноября 1994 года; сборник подписан в печать более чем полгода спустя, 9 июня 1995 года)¹⁴ автор уже внёс определённые коррективы в сочинения, предназначенные для томика «новой белорусской поэзии». Например, зарисовка *Городское утро (Гарадзкі ранак)*¹⁵ из цикла *Пейзажистика (Пэйзажысьціка)* приобретает обновлённое название – *Утро в городе (Раніца ў горадзе)*¹⁶.

Более того, образ остановки общественного транспорта во второй строфе детализируется. В *Нэа-літе* речь идёт о неконкретизированной локации («[...] Трамвай празвініць бляхаю, // Аб'едзе прыпынак МАЗ», строки 7–8)¹⁷. В книге *Через ГалеРэю* подразумевается место, обладающее определёнными географическими смыслами либо экспрессивной, возвышенной, окраской. В более позднем варианте слово «Прыпынак» пишется с большой буквы, как имя собственное¹⁸.

Существеннее исправлено другое произведение из указанного цикла. Аллитерационный этюд в *Нэа-літе* получил заглавие *Восход солнца над болотом (Усход сонца над балотам)*¹⁹. В самостоятельной книге поменялись как название, так и образные акценты. Минскевич переименовал стихотворение на *Закат солнца над болотом (Заход сонца над балотам)*²⁰. Начальная строчка сочинения во втором варианте лишилась инфернальных кодов. Вместо упоминания о демонических существах, в художественном мире этюда возникла отсылка к птицам:

¹⁴ С. Мінскевіч, *Праз ГалеРэю*, Полацкае ляда, Полацк 1994, с. 63.

¹⁵ *Нэа-літ...*, лист 24.

¹⁶ С. Мінскевіч, *Праз ГалеРэю*, с. 31.

¹⁷ *Нэа-літ...*, там же; «[...] Трамвай прозвинит жостью, // Объедет остановку МАЗ», то есть грузовик, произведённый на Минском автомобильном заводе (здесь и далее – дословный перевод поэтических текстов с белорусского на русский язык и примечания автора статьи).

¹⁸ С. Мінскевіч, *Праз ГалеРэю*, с. 31.

¹⁹ *Нэа-літ...*, лист 24.

²⁰ С. Мінскевіч, *Праз ГалеРэю*, с. 35.

Чароты чэрці чорнымі чубамі чэшуць ачмурэлы чэраў вечара [...].
Усход сонца над балотам²¹

чароты чаплі чорнымі чубамі чэшуць ачмурэлы чэраў вечара [...].
Заход сонца над балотам²²

Хоть это кажется неожиданным, но графика текста оказывается более консервативной именно в антологии новой поэзии. Так, в сборнике *Через ГалеРэю* все строки произведения, включая первую, начинаются с маленьких, а не прописных букв.

Во всяком случае, более ранний, «неолитовский», вариант этюда вошёл в сборник *Тазік беларускі* (*Тазік беларускі*, 1998)²³ – первую антологию движения «Бум-Бам-Літ». Вероятно, такой факт можно расценивать как дань поэта этапу, с которого начиналась мощная постмодернистская формация. Коллективное издание конца 1990-х годов должно было презентательно обозначить творческий путь самых активных «бум-бам-литовцев». Не исключено, что Минскевич решил акцентировать период, вдохновивший его на максимально интенсивные художественные искания.

Показательно также то, что именно в *Нэа-літ* отображается особенная практика Минскевича по озаглавливанию стихотворений из цикла *Пейзажистика*. В каждом из них название не предваряет произведение, а указывается в конце, под заключительным версом.

Обращают внимание также варианты сочинения *Портрет ДНК в процессе бреда с бодуна одновременно на двух языках* (*Партрэт ДНК падчас трызь-неньня з будуна адначасова на двух мовах*). Его текст основан на межъязыковой омонимии белорусской и английской лексики («сноў» – «snow», «not» – «not» и т.д.). Значимая корректива возникает в строчке 5:

Номер строчки	Вариант из сборника <i>Нэа-літ</i>	Вариант из книги <i>Через ГалеРэю</i>
5	ЦМОК дыму –	ЦМОКам дыму
6	бязСЭНСУ тлее	бясСЭНСу тлее
7	СЛОЎ СЭРПАНТынава	СЛОЎ СЭРПАНТынава
8	зблытаны КНОТ ^a .	зблытаны КНОТ ^b .

Объяснения: ^a *Нэа-літ...*, лист 26; «Змей дыма – // без смысла тлеет // слов серпантинно // запутанный фитиль»; ^b С. Минскевич, *Трубалёт* в *Праз ГалеРэю*, с. 38; «Змеем дыма // без смысла тлеет // слов серпантинно // запутанный фитиль».

²¹ *Нэа-літ...*, лист 24; «Очереты черти чёрными чубами чешут очумевшее чрево вечера».

²² С. Минскевич, *Праз ГалеРэю*, с. 35; «очереты цапли чёрными чубами чешут очумевшее чрево вечера».

²³ С. Минскевич, *Трубалёт*, [в:] *Тазік беларускі*, Бервіта, Мінск 1998, с. 82.

Благодаря грамматической (существительное «цмок» переходит из именительного в форму творительного падежа) и пунктуационной (устранение тире) правкам иконика произведения проясняется. Завитки догорающего фитиля чётче соотносятся с образом сказочного змея.

В некоторых версиях текстов, собранных в *Нэа-літэ*, привлекает внимание структура стихотворений. В частности, миниатюра Сина в варианте, предназначенном для мини-антологии, начинается так: «толькі цень... // толькі пах...». Строки 5–6 основаны на повторе и перестановке существительных: «толькі пах... // толькі цень...» («толькі цень...»)²⁴. В более позднем варианте текста, который автор в 2019 году предоставил для билингвы *Бум-Бам-Літ* (2021), порядок слов изменён. Кроме того, сочинение приобрело апунктуационный характер, а строки обрамления (1–2 и 5–6) набрано курсивом: «*толькі пах // толькі цень*» ↔ «*толькі цень // толькі пах*»²⁵. Очевидно, вследствие упомянутых правок автор сосредотачивается на более чётком образе: в начале подчёркнуто не тень как эффект, дополняющий визуальное восприятие некоего предмета (субъекта), а конкретное одоративное ощущение. Однако курсив в более новой трактовке может усиливать второстепенность и зримых деталей, и запаха. В строках 3–4, остающихся без шрифтовых выделений, описано пробуждение лирических субъектов от «янтарного вкуса сигарет». Вероятно, именно этому событию отводится основная роль в сюжете.

Ряд правок свидетельствовал о постепенном углублении авторов в белорусскоязычную среду. Так, в макете содержатся два экземпляра листа с несколькими стихотворениями Вишнёва. В одном из них рядом со словом «сапсеўшы» (строчка 1 стихотворения *Я паўлін-маўлін...*) находится рукописная корректура неустановленного редактора, внесённая красными чернилами. Суффикс в причастии с учётом норм белорусского литературного языка заменён (предусмотрено форму «сапсэлы»)²⁶. Её употреблено и в самиздатовском сборнике поэта – «друкапісе» («друкописи») *Афрыканскія матывы* (*Афрыканскія матывы*, 1995)²⁷.

Следует отметить: сама подборка Вишнёва в *Нэа-літэ* озаглавлена почти так же, как другая авторская «друкопись» 1995 года – *Клекатамус*²⁸. Однако

²⁴ *Нэа-літ...*, лист 9; «только тень... // только запах...»; «только запах... // только тень...» («только тень...»).

²⁵ *Бум-Бам-Літ: анталогія білорускай поэтычнай рэвалюцыі = анталогія беларускае паэтычнае рэвалюцыі*, упоряд. В. Левицкий, Люта справа, Київ 2021, с. 192.

²⁶ *Нэа-літ...*, лист 21. Имеется в виду определение «состарившийся» («Я павлін-мавлин...»).

²⁷ З. Вишнёў, *Афрыканскія матывы*, [в:] *Друкапісы. Вялікая імправізацыя*, Галіяфы, Мінск 2009, с. 19.

²⁸ *Нэа-літ...*, лист 19.

в более поздней самиздатовской книге в окказиональном названии имеет место орфографическая правка – *Клёкатамус* (с буквой ё)²⁹. При этом из мини-антологии в неё вошло единственное стихотворение – *Маузерная сволочь повалила бутылку...* (*Маўзэрная сволач зваліла бутэльку...*), которое тоже претерпело незначительную трансформацию. Глагол «забразгацелі» («забрезжали», строчка 2)³⁰ исправлено на «забразгаталі»³¹.

«Друкопись» как феномен заслуживает отдельного комментария. Соответствующий неологизм образован от белорусских глаголов «друкаваць» («печатать») и «пісаць» («писать»), а также перекликается с существительным «рукапіс» («рукопись»). Подразумеваются самодельные маленькие книжечки, часто рукописные и с авторскими иллюстрациями, которые тиражировались и распространялись на мероприятиях движения «Бум-Бам-Літ». Инесса Курьян выделяет 10 несомненных сборников такого рода³².

Так или иначе, диковинная лексема «клёкатамус» весьма последовательно ассоциировалась с «Бум-Бам-Літом». Вишнёв часто печатал соответствующее сочинение в своих книгах и декламировал его на творческих акциях. Например, писатель вспоминал о выступлении в минском парке Горького по случаю годовщины указанного движения:

[...] литераторы-„бум-бам-литовцы” при помощи дворницких мётел и большого мятого таза занимались шаманством. Я махал руками и бормотал как верховный шаман: „Клѣк Катам Мус... Клѣк Катам Мус... Клѣк... Катам... Мус...”

Целью этого выступления было нагнать тучи и пригласить в гости дождь. И что же? Дождь полил³³.

В свою очередь, Пётр Васюченко отождествлял едва ли не весь художественный мир Вишнёва со «стеснительным клёкатамусом» – не просто «сгустком фоном», а мифическим существом, разговорчивым и склонным к эпатажу³⁴.

Турович, наоборот, в дальнейшем отступил от окказионализма в одной из миниатюр. Её «неолитовская» версия содержала наречие «зломка» (вероятно, производное от глагола «ламаць», то есть «ломить»): «Аловак зломка

²⁹ З. Вішнёў, *Клёкатамус*, [в:] *Друкапісы. Вялікая імправізацыя*, Галіяфы, Мінск 2009, уклад. І. Кур'ян, с. 35.

³⁰ *Нэа-літ...*

³¹ З. Вішнёў, *Клёкатамус*, с. 45.

³² І. Кур'ян, *Друкапісы. Вялікая імправізацыя*, [в:] *Друкапісы. Вялікая імправізацыя*, Галіяфы, Мінск 2009, уклад. І. Кур'ян, с. 3.

³³ З. Вішнёў, *Занатоўкі літаратурнага алкаголіка...*, с. 8.

³⁴ П. Васючэнка, *Сарамяжлівы клёкатамус*, [в:] З. Вішнёў, *Штабквы тамтам*, Мастацкая літаратура [электронная версія праекта Kamunikat.org], Мінск 1998, с. 7.

ловіць змову» (*Аловак зломка ловіць змову...*)³⁵. В более позднем варианте автор использовал в процитированной строчке 1 общеупотребимое слово «лёгка» («легко») ³⁶.

Отслеженные тенденции приобретают максимальную выразительность в жанрово-стилистическом аспекте.

Милые «издѣвки над языком»

Нэа-літ следует считать платформой для поисков актуальной художественной речи. Симптоматично, что сборник открывается стихотворением Бахареви́ча под названием *Издѣвки над беларусским языком (Зьдзекі зь беларускай мовы)*. Видимо, это сочинение должно было выполнять роль некоего эстетического манифеста автора и других участников проекта. Подразумевались не унижение государственного языка, однако прибегание к играм с устоявшимся словарём и дальнейшее разрушение шаблонов в искусстве. Автор, известный в период работы над сборником в качестве не только писателя, но и активного панк-рок-музыканта, пересматривал лингвистические нормы, свойственные старшим литераторам.

Антитезисом к «издѣвкам» мыслилось творчество Петруся Бровки и Аркадя Кулешова, в чьём наследии, по версии молодого лирика, представлены «допросы» и «листочки». Бахареви́ч решительно отвергал подобные перспективы вместе с иными проявлениями автоматизма в литературе (сатира по поводу текстов «пра „гусі зь Беларусі“[,] // Пра Чарнобыль, пра Марусю...»). Отчасти таким образом оспаривалась пагетика, характерная для волны белорусского национального возрождения после возобновления независимости в 1991 году. Впрочем, к собственным приоритетам поэт также относился с иронией: «А мае радкі як лекі, // Ад якіх памрэш здаровы[,] // Не паэзія, а зьдзекі[,] // Зьдзекі зь беларускай мовы» («А мои строчки как лекарство, // От которого умрёшь здоровым[,] // Не поэзия, а издѣвки[,] // Издѣвки над беларусским языком») ³⁷.

В других представленных стихотворениях Бахареви́ч, действительно, довольно радикально переоценивал традицию. В них встречается обценная лексика наряду со своеобразными окказионализмами («даждлівень», то есть «дождливень», в одноимённом произведении) ³⁸, разворачиваются

³⁵ *Нэа-літ...*, лист 28, «Карандаш сломка ловит заговор».

³⁶ *Бум-Бам-Літ...*, с. 211.

³⁷ *Нэа-літ...*, лист 2. Автор критикует сочинения «о „гусях из Беларуси“[,] // О Чернобыле, о Марусе...».

³⁸ Там же, лист 3.

фривольные сюжеты и обозначается характерологема дерзкого горожанина. Позднее, в упомянутой книге *Мои девяностые*, автор скептически откликнулся о произведениях, с которыми выступал на «неолитовском» вечере в 1994 году³⁹. Но в контексте белорусского литпроцесса 1990-х они могут считаться яркой моделью экспериментального письма.

Подобных ориентиров придерживались Минскевич и Турович. Параллельно с подготовкой *Нэа-літа* они сформировали литературное течение транслогизма. Одним из его манифестов стала статья первого из указанных авторов *В глубину сквозь горизонт (У глыбiню праз далягляд, 1994)*. По сути транслогическая поэзия базировалась на различных смысловых уплотнениях текста: применении палиндромических и анаграмматических приёмов, паронимических аттракций, других способов обыгрывания внутренней формы слова. Поэты стремились к порождению художественной «сверх-метареальности», в которой каждая единица информации – «тоннель», ведущий к новому уровню содержания⁴⁰.

Задекларированные подходы выразительны в цитированном стихотворении Минскевича *Портрет ДНК... (Партрэт ДНК...)*. В фонетическом аспекте поэт соотносил английскую и белорусскую лексику, порождая неожиданные ассоциации. Как и в его цикле *Пейзажистика (Пэйзажысьціка)*, Турович в своих лирических миниатюрах выстраивал усложнённые звуковые цепочки, на которых основан иконический ряд: «Кватэру варта вартаваць // Кветку верціць вецер. // Ганебна Ганнай гандляваць // Плесці-несці песні // Выганяе ганак з глебы // Выкрывае крыж крыві // Набалела неба⁴¹ неба [...]» (*Кватэру варта вартаваць...*)⁴².

Не остаётся в стороне от транслогизма Син. Благодаря графическому приёму (применение большой буквы, не предусмотренное правописанием) строчка 5 в его стихотворении допускает двойное прочтение: «Сьветлае сьвятло знішчае сьцены // замкі // палкі // межы // раскаванасць // лёгкае блакітнае сонца // скрозь лісьце»⁴³ (*Сьветлае сьвятло...*). Фактически подчёркнуто переход слова «раскаванасць» в лексему «скаванасць». То

³⁹ А. Бахарэвіч, *Мае дзевяностыя*, с. 169–170.

⁴⁰ С. Мінскевіч, *У глыбiню праз далягляд (Арт-куль № 1)*, [в:] С. Мінскевіч, Я з Бум-Бам-Літа!, Логвінаў, Мінск 2008, с. 108–109.

⁴¹ В варианте, согласованном с автором в 2019 году для публикации в антологий-билингве *Бум-Бам-Літ* (2021), употреблено омоним – «неба» («нёбо»): *Бум-Бам-Літ...*, с. 211.

⁴² *Нэа-літ...*, лист 29, «Квартиру стоит охранять // Цветок вертит ветер. // Позорно Анной торговать // Плести-нести песни // Выгоняет крыльцо из земли // Разоблачает крест крови // Наболело небо неба [...].

⁴³ Там же, лист 8, «Светлый свет уничтожает стены // замки // палки // границы // раскованность // лёгкое голубое солнце // сквозь листья».

есть форма «раСкаванасць» отождествляется с амбивалентным качеством: и скованностью (объектами, которые разрушает солнце), и раскованностью (последствиями влияния света). В итоге с учётом лирического сюжета частичка «ра-» может также ассоциироваться с аналогичным мифонимом: Ра – имя египетского бога солнца. Интересно, что художник и писатель Артур Клинов, участвовавший в ряде акций «Бум-Бам-Літа», выстроил несколько позднее, в 2000-х годах, концепцию Минска – Города Солнца в литературных и фотопроектах.

При этом Син ostrаняет текст вследствие комбинирования разных систем письменности. В стихотворении, созданном под влиянием Джеймса Джойса, на которое указывает сам белорусский автор, строчки 7–8 являются латиничной версией строк 3–4: «Spamiani mianie Noc // Uzhadaj mianie Skaz» ↔ «Спамяні мяне Ноч // Узгадай мяне Сказ» (*Сярод потных абдымкаў...*)⁴⁴.

Следует заметить: транслогист Минскевич не отстранялся от элементов классического стихосложения. В частности, его интересовал поиск экзотических глубоких рифм («Чэбаксары» – «чубок Сары» в произведении *ЭПІЛОГ (ЭПІЛЁГ)*⁴⁵. Подобные игры с фоникой, прежде всего с последними словами в строчке стихотворения, свойственны Вольскому. Он нередко достигает звукового своеобразия благодаря расчленению слов, опорных в иконическом аспекте. Так, поэтическое послание *БЕ!* начинается версом: «Я кажу табе: „БЕ!“»⁴⁶. Междометие словно выделяется из формы местоимения «табе». Аналогичным образом название деревни Тиволи («Цівалі»), вошедшей в городскую черту Минска, в одноимённой медитации распадается на омонимические конструкции «ці мелі» («имели ли»), «ці Валя» («Валя ли») ⁴⁷.

В целом Вольский ярко презентует авторов *Нэа-літа*, сосредоточенных на достаточно толерантном переосмыслении традиционный жанров и строфических моделей. В его подборку включены баллада (*Баллада о дрянной памяти – Баляда пра кепскую памяць*) и Триолет (*Трыялет*). Ни одно из этих произведений не характеризуется тематической консервативностью. К примеру, во втором из них излагаются рассуждения о манипуляциях с возвратом денег – проблеме, актуальной в 1990-х годах на постсоветском пространстве. Апеллирование к устоявшимся формам скорее устремляет поэтику

⁴⁴ Там же, лист 10, «Помяни меня Ночь // Вспомни меня Фраза» (*Среди потных объятий...*).

В слове «Нос», однако, отсутствует диакритический знак (корректный вариант – «Ноś»).

⁴⁵ Там же, лист 27.

⁴⁶ Там же, лист 14, «Я говорю тебе: „БЕ!“».

⁴⁷ Там же.

сбережениями и прочими несметными сокровищами. В свою очередь, упоминаемый «дождливень» Бахаревича – «извращенец и чудовище» («вычварэнец і пачвара»). Но автор не избегает изысканных образов с положительными коннотациями. По мнению поэта, в зонтах узнаются цыплята, которые освобождаются от дождевых капель, как от яичной скорлупы (*Дажджлівень*)⁵¹.

При этом в поэзии «неолитовцев» преимущественно разворачивается художественное пространство города. Урбанизм часто неотделим от мотивов телесности. Например, в произведении Гатальской *Вильня (Вільня)* слепой, мечтающая увидеть соответствующий локус – мифологизированную точку в картине мира белорусов, водит пальцем по карте и касается «жыл рэк, радзімак гарадоў» («жил рек, родинок городов»).⁵² В её же пейзажной зарисовке из цикла *Город (Горад)* акцентируются «ашчэраныя // растапыраныя дрэвы» («оскалившиеся // растопыренные деревья»)⁵³.

Персонажам-горожанам приходится осмыслять своё одиночество. Например, Син пишет о поклоннике поэта, которого никто не читает. Оба героя сталкиваются с неким экзистенциальным кризисом, хотя читатель, неизвестный для литератора, мечтает встретить литературного кумира в Вильнюсе, Минске или Могилёве (*Паэт якога ніхто не чытае*)⁵⁴.

Таким образом, работа над сборником *Нэа-літ* в 1993–1994 годах сопутствовала сплочению наиболее прогрессивных белорусских писателей. Несомненным результатом тесного диалога между участниками объединений «Табала S-тэт» и «Пяты кут» в рамках редколлегии указанной мини-антологии стало зарождение движения «Бум-Бам-Літ». Именно запланированное издание обозначило ряд художественных ориентиров минских постмодернистов. Прежде всего речь идёт об экспериментах с жанрами и речью, преобладающем урбанизме, усиленном внимании к экзотическим образам и комичным сюжетам. В то же время неудачу с публикацией *Нэа-літа* следует причислить к важнейшим причинам для появления успешного тренда молодых минских поэтов – неофициальных самостоятельно изготовленных книжиц «друкописей».

⁵¹ Там же, лист 3.

⁵² Там же, лист 30.

⁵³ Там же, лист 31.

⁵⁴ Там же, лист 7.

Bibliografija

- Akudowicz Walancin, *Bum-Bam-Lit. Znowaj knihi* («Treba uiawić Sizifa szczeniawym. Chroniki bielaruskaha intelektuala»), «Dziejasłou» 2019, № 1, s. 181–193.
- Arlou Uładzimir, Hrafcici, *Czaławiek i materyjalnaje asiaroddzie: sproba asensawannia estetycznaha wopytu*, «ZNO» 1995, № 8: 22 lutaha, s. 7.
- Bacharewicz Alhierd, *Maje dziewianostyja*, A.M. Januszkiewicz, Minsk 2018, 312 s.
- Bortnowska Katarzyna, *Białoruski postmodernizm. Liryka «pokolenia Bum-Bam-Litu»*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2009, 225 s. <https://doi.org/10.31338/uw.9788323512424>
- Bum-Bam-Lit: antołohija biłoruskoji poetycznoji rewoluciji = antołohija belaruskae paetycznaje rėwalucyji*, uporiad. W. Łewyćkyj, Luta sprawa, Kyjiw 2021, 432 s.
- Karotkina Nadzieja, *Czaławiek i materyjalnaje asiaroddzie: sproba asensawannia estetycznaha wopytu*, «ZNO» 1995, № 8: 22 lutaha, s. 8–9.
- Kurjan Inesa, *Drukapisy. Wialikaja imprawizacyja*, [w:] *Drukapisy. Wialikaja imprawizacyja*, Halijafy, Minsk 2009, uklad. I. Kurjan, s. 3–14.
- Łewyćkyj Wjaczesław, *Riznobarwni płoty na horyzonty*, [w:] *Bum-Bam-Lit: antołohija biłoruskoji poetycznoji rewoluciji = antołohija belaruskae paetycznaje rėwalucyji*, Luta sprawa, Kyjiw 2021, s. 399–417.
- Minskiewicz Sierż, *Oho – hod!*, [w:] Minskiewicz Sierż, *Ja z Bum-Bam-Lita!*, Łohwinau, Minsk 2008, s. 134–142.
- Minskiewicz Sierż, *Trubalot*, [w:] *Tazik bielaruski*, Bierwita, Minsk 1998, s. 75–84.
- Minskiewicz Sierż, *U hlybinii praz dalahlad (Art-kul № 1)*, [w:] Minskiewicz Sierż, *Ja z Bum-Bam-Lita!*, Łohwinau, Minsk 2008, s. 108–109.
- Nea-lit: nowaja bielaruskaja paezija*, bez miesca wydacyj, [Minsk 1994], 39 list.
- Wasiuczenka Piatro, *Saramiażliwy klokatamus*, [w:] Wiszniou Zmicier, *Sztabkawy tamtam*, Mastackaja litaratura [elektronnaja wiersija prajekta Kamunikat.org], Minsk 1998, s. 5–8.
- Wiszniou Zmicier, *Afrykanskija matywy*, [w:] *Drukapisy. Wialikaja imprawizacyja*, uklad. I. Kurjan, Halijafy, Minsk 2009, s. 15–32.
- Wiszniou Zmicier, *Klokatamus*, [w:] *Drukapisy. Wialikaja imprawizacyja*, Halijafy, Minsk 2009, s. 35–52.
- Wiszniou Zmicier, *Zanatouki litaraturnaha ałkaholika*, [w:] Wiszniou Zmicier, *Wieryfikacyja naradżennia*, Łohwinau, Minsk 2005, s. 7–12.
- Żybul Wiktor, *Szczodennyk bum-bam-litiwcia*, per. z biłorus. W. Łewyćkyj, [w:] *Bum-Bam-Lit: antołohija biłoruskoji poetycznoji rewoluciji = antołohija belaruskae paetycznaje rėwalucyji*, Luta sprawa, Kyjiw 2021, s. 369–397.

Viacheslav Levytskyi

„Latający Holender” białoruskiej poezji: zbiór *Nea-lit* jako zjawisko literackie

Streszczenie

Celem proponowanej pracy jest analiza statusu zbioru *Nea-lit* (1993–1994) w białoruskim procesie literackim lat dziewięćdziesiątych. Materiałem badawczym jest makieta tej książki z prywatnego archiwum poety Wiktara Żybula. Taki dokument literacki nie został jeszcze upubliczniony ani wprowadzony do obiegu naukowego.

Właściwości *Nea-litu* są wyjaśnione w aspektach ogólnokonceptualnym, tekstologicznym i gatunkowo-stylistycznym.

Między innymi rzeczami antologia manifestowała krystalizację nowej literatury. Ponadto w zbiorze znalazły się odmienne od późniejszych publikacji warianty wierszy Sierża Minskiewicza, Illi Sina, Aliesia Turowicza. W końcu *Nea-lit* został platformą do poszukiwania aktualnego języka artystycznego. W ramach projektu książki zarysowano radykalne eksperymenty translogiczne i niezwykle gatunek „panfilu”, zaprezentowano dominowanie obrazów przestrzeni miejskiej z zaakcentowanymi motywami cielesności.

Słowa kluczowe: tekst, obraz, wariant, publikacja, eksperyment.

“The Flying Dutchman” of Belarusian poetry: the collection *Nea-lit* as a literary phenomenon

Summary

The purpose of the proposed work is to analyze the status of the collection *Nea-lit* (1993–1994) in Belarusian literary process of the 1990s. The research material is the layout of this book from the private archive of the poet Viktor Zhybul. Such literary record has not yet been made public or put into scientific circulation.

The peculiarities of *Nea-lit* are illuminated in the general conceptual, textual and genre-stylistic aspects.

Among other things, the anthology manifested the crystallization of new literature. In addition, the collection included versions of poems by Sierzh Minskievich, Illia Sin, Alies Tuovich, different from later publications. In the end, *Nea-lit*

became a platform for searching for actual imaginative language. Within the project of the book radical translogical experiments and unusual genre of 'panphile' were outlined, images of urban space with accentuated motifs of corporeality prevailed.

Keywords: text, image, version, publication, experiment.

Viacheslav Levytskyi – ukraiński literaturoznawca, tłumacz, poeta. Kandydat nauk filologicznych (od 2012). W latach 2012–2013 młodszy pracownik naukowy w Instytucie Literatury im. Szewczenki Narodowej Akademii Nauk Ukrainy, później – badacz niezależny i członek zespołu autorskiego Historii Literatury Ukraińskiej (tom XII; Narodowa Akademia Nauk Ukrainy). Recenzent współczesnej literatury białoruskiej w ukraińskim piśmie „Krytyka” (od 2013). Autor kilku monografii, w tym książki *Wiktor Petrow: mapowanie twórczości pisarza* (Kraków: Universitas, 2020; współautor). Najważniejsze najnowsze publikacje: szereg artykułów w encyklopedii *Уладзімір Караткевіч (Uładzimir Karatkiewicz; Mińsk: Bielaruśkaia Entsykłapiedyia imia Pietrusia Brouki, 2020)*; „Бум-Бам-Літ”: анталогія білоруськай паэтычнай рэвалюцыі = „Бум-Бам-Літ”: анталогія беларускае паэтычнае рэвалюцыі (*Bum-Bam-Lit: antologia białoruskiej poetyckiej rewolucji; Kijów: Luta sprawa, 2021; redaktor, współtłumacz, autor posłowia*). Mieszka i pracuje w Kijowie.